

СВЯТКИН Н. С.

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА VIOLENCE
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются лексические средства реализации концепта VIOLENCE на примере текста художественного произведения Э. Бёрджесса «A Clockwork Orange». Автор даёт подробную характеристику «насилию» как лингвистическому концепту, а также проводит анализ лексических средств его репрезентации в художественном тексте и их функционально-прагматической направленности.

Ключевые слова: насилие, концепт, агенс, пациенс, бенефактив, инструмент, лексика.

SVYATKIN N. S.

LEXICAL MEANS OF REALIZATION OF THE CONCEPT OF VIOLENCE

Abstract. The article considers the vocabulary used to represent the concept of violence in the literary text “A Clockwork Orange” by A. Burgess. The author gives a detailed description of violence as a linguistic concept and presents an analysis of the lexical means of its representation in the literary text in connection with their functional and pragmatic characteristics.

Keywords: violence, concept, agent, patient, beneficiary, instrument, vocabulary.

Данное исследование посвящено изучению концепта VIOLENCE (рус. «насилие») и лексическим средствам его реализации в тексте художественного произведения на английском языке. Актуальность исследования обусловлена тем, что современные американские и британские писатели регулярно прибегают к изображению насилия в своих произведениях. В этой связи лингвистический анализ поможет определить прагматическую установку, которую реализуют авторы при показе сцен соответствующего содержания. Цель данной статьи – определить лексические средства реализации концепта VIOLENCE в художественном тексте, а также их функционально-прагматическую направленность.

Материалом исследования послужило произведение британского автора Э. Бёрджесса «A Clockwork Orange» (рус. «Заводной апельсин»). За основу берётся американское издание с полным количеством глав на английском языке.

Теоретической и методологической базой исследования послужили работы таких ученых, как Дементьева Я. С., Шагако Д. С., Дорофеева А. Ю., Родина В. А., Рыкунов С. В., Каропа И. Г., Поляков Е. В., Лашевич Е. П., Григорьева В. С., Зайцева В. В., Жеребило Т. В., Ищенко Е. С., Жданова Е. С., Еленская К. В., Засыпкин С., Моуа S. A, Николич М., Панкрашова А. В., Мазепа Е. М.

Как известно, насилие в качестве художественного тропа литературного произведения используют достаточно давно. Однако в соответствующих научных исследованиях данный вопрос освещался не полностью, а также в некоторой мере игнорировались результаты других работ. Так, некоторые исследователи не различают понятия «насилие» и «агрессия», которые, как было выяснено, не являются тождественными [1; 2]. Далее, во многих трудах насилие рассматривалось как универсальное для всех художественных произведений понятие [3], несмотря на то, что в каждом жанре оно реализуется по-разному, поскольку имеет разные прагматические установки [4; 5; 6; 7].

Обобщив результаты предыдущих исследований, мы выявили, что насилие отличается от агрессии: 1) социальной обусловленностью, 2) субъективностью, 3) отрицательной коннотацией. Кроме того, общим для всех произведений, где изображается насилие, является необходимость произвести впечатление на читателя и поддержать его интерес, а также предупредительная функция. Однако при анализе соответствующих жанров становится понятно, что в одних концентрируется внимание на подробном и красочном изображении самого акта насилия и атмосферу книги, в других – на морально-этических вопросах применения насилия, на несправедливость насилия и на выражения протеста с целью самоидентификации.

Далее мы выявили, что авторы выделяют различные способы передачи концепта «насилие», такие как предложения, тексты, дискурсивные практики и целые произведения [8]. Исследователи выявили таких участников акта насилия, как агент, пациент, бенефактив и инструмент [9], причём последние делятся на инструменты невербального и вербального насилия [10]. Более того, другие работы показывают, что в художественном тексте существуют две главные категории слов, связанных с концептом «насилие», а именно «слова, фиксирующие в семантике разнообразные формы насилия» и «слова, являющиеся инструментом языкового и речевого насилия» [11]. Первая категория классифицируется синонимами с различной интерпретацией насилия (брать силой, заставлять, насильничать, принуждать и др.) и квазисинонимами. Вторая – словами, изображающие бытовое насилие в виде ультимативных предложений, ярлыков, инвективы [12] и угрозы.

С точки зрения жанровой принадлежности, рассматриваемое произведение принято относить к антиутопии, однако писатель отходит от её традиционных характеристик. Так, многие исследователи творчества Э. Бёрджесса считают, что «Заводной апельсин» отличается от других утопий тем, что 1) общество, показанное в книге, только ещё находится в предутопичном состоянии [13], 2) главный герой не нацелен на борьбу с тоталитарным государством [14], 3) подавление личности показано при помощи попытки государства избавить главного героя от тяги к «ульта-насилию» [15]. Таким образом, Мазепа Е. М.

приходит к выводу, что «основным комплексом проблем» сюжета являются «целесообразность вмешательства в человеческую психику, манипулирование личностью, маргинализация общества <...>» [16].

Проведенный лингвистический анализ показал, что текст художественного произведения «A Clockwork Orange» богат лексическими повторами, конверсией, лексемами определённой семантической и стилистической направленности, а также авторскими сленгизмами.

Одним из примеров лексического повтора является предложение: «...with one fair boot on the Gulliver he was out and out and out» [17, с. 35]. Стоит отметить, что больше всего повторяется связка предлог «and» + глагол/указательное местоимение и редко существительное, которую автор намеренно использует в большом количестве для определённых целей, а именно 1) обеспечить связную структуру текста; 2) усилить эффект сцены насилия; 3) увеличить накал, что позволяет создать элемент действия внутри сцены: «So I was kicked and punched and bullied off to the cells and put in...» [17, с. 103]; «...locking her rookers from the back, while I ripped away at this and that and the other...» [17, с. 44]; «...his platties were a disgrace, all creased and untidy and covered in cal and mud and filth and stuff...» [17, с. 31].

Писатель ярко изображает различные инструменты насилия через лексемы определённой семантической и стилистической направленности, а также конверсию. Так, самыми часто употребляемыми орудиями нанесения вреда становятся «rooker», «fists», «boot», «knives», «nozh», «britva», «oozy». Данные существительные почти всегда идут в сочетании с прилагательными или существительными, которые описывают для чего именно необходим тот или иной инструмент («cut-throat britva», «flick-type nozh»), а также показывают отношение агенса к инструменту («ringy fist», «fair boot», «a real kick», «snaking oozy», «crappy wood walking-stick»), либо они сами являются описательной характеристикой других предметов, вещей и явлений («old boot crash», «boots for kicking», «nozh holding rooker»).

Для передачи нанесения вреда инструментами автор использует соответствующие глаголы «slash», «prod», «kick», «tolchok», «stab», «cut», «crack», «hit», «beat», «punch», а также фразовые глаголы «bully off», «deal out», нейтральные глаголы, которые, на первый взгляд, никак не относятся к акту насилия, «give», «deliver», «have», «put», «grab», «go», и звукоподражательные глаголы «swish», «whish», «bang». Особый интерес представляют отымённые глаголы, образованные конверсией от существительных. Самыми часто употребляемыми существительными для конверсии становятся «fist», «boot», «knife», «chain». Наглядными примерами употреблений таких глаголов служат эпизоды из первой части книги, где насилие описывается в сценах уличных драк и грабежей: «But when Dim fisted him a few times on his filthy drunkard's rot...» [17, с. 32]; «...finishing up by booting his nagoy plot...» [17,

с. 142]; «There'll be life like down here most likely, with some getting knifed and others doing knifing» [17, с. 37]; «he chained me gently and artistic like on the glazlids...» [17, с. 95]. Можно прийти к выводу, что оружие и лексемы, изображающие его или каким-либо образом связанные с ним, являются важной составляющей при описании автором сцен насилия в произведении.

Стоит отметить придуманный автором сленг «надсат», который также имеет важное значение при описании сцен насилия. Так, самыми частотными авторскими сленгизмами насилия являются «tolchock», «bratchny», «drat», «grashzny», «krovvy», «merzky», «noz», «oobivat», «oozy», «platch», «poogly», «razrez», «britva» и др. Примерами использования данных слов служат следующие предложения: «...cracked her a fine fair tolchock...» [17, с. 94]; «...if I just gripped his ankles with my rookers tight round them and brought this grashzny bratchny down to the floor» [17, с. 170]; «so there we were dratsing in the dark» [17, с. 35]; «I had just ticklewicked his fingers with my britva, and there he was looking at the malenky dribble of krovvy that was redding out in the lamplight» [17, с. 81]. Рассмотрев случаи употребления единиц языка «надсат», мы пришли к выводу, что они являются неотъемлемой частью всех сцен насилия, которая помогает автору погрузить читателя в мир главного героя и его отношение к рассматриваемому концепту.

Стоит отдельно выделить психологическое насилие, которое проявляется как со стороны главного героя, так и на него самого. В произведении было найдено два ярких примера, иллюстрирующих рассматриваемое явление. Так, в книге описывается сцена сексуального насилия банды Алекса над женой писателя. Автор намеренно сводит на минимум описание акта насилия, используя стилистически нейтральные глаголы «do», «lock», «grip», «hold», и концентрируется на психологическом насилии, которое испытывает муж, выступающий бенефактивом насилия: «I could slooshy cries of agony and this writer bleeding veck that Georgie and Pete held on...» [17, с. 45]. В свою очередь, становясь пациентом насилия, главный герой часто использует словосочетание «feel sick»: «...all that happened was I felt sick with viddyng that...» [17, с. 161]. Так, автор даёт понять, что психологическое насилие может оказаться таким же ужасным и бесчеловечным, как и физическое.

В результате было выявлено, что в проанализированном тексте художественного произведения концепт VIOLENCE представлен в трёх категориях: 1) физическое насилие со стороны главного героя (пример: «I cracked this veck who was sitting next to me and well away and burbling a horrorshow crack on the ooko or earhole, but he didn't feel in and went on...» [17, с. 20]); 2) воображаемое насилие со стороны главного героя (пример: «Our pockets were full of deng, so there was no real need from the point of view crasting any more pretty polly to tolchock some old veck in an alley and viddy him swim in blood while we counted the takings and divided by

four, nor to do the ultra-violent on some shivering starry grey-haired ptitsa in a shop and go smeking off with the till's guts» [17, с. 17]); 3) реальное физическое или психологическое насилие над главным героем (пример: «Then I was tripped up and was on the floor and was being kicked at...» [17, с. 196]). Во всех трёх категориях представлены лексические средства реализации концепта VIOLENCE, которые были определены выше.

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что VIOLENCE – многоплановый и полифункциональный концепт, который вербализуется автором в зависимости от жанра, проблематики и коммуникативной направленности произведения. Проведя анализ текста Э. Бёрджесса «A Clockwork Orange», мы установили, что лексические средства реализации концепта VIOLENCE несут в себе функционально-прагматический аспект. Лексика книги богата повторами, случаями конверсии, в частности, отымёнными глаголами, а также лексемами, в семантике которых заключён посыл насилия либо явно выраженная связь с ним, а также квазисинонимы. Важно отметить влияние сленгизмов, которые также подвержены влиянию вышеперечисленных процессов и помогают читателю смотреть на сцены насилия от первого лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьева Я. С. Реализация концепта «насилие» в произведениях американских писателей // Молодой ученый. – 2017. – № 46 (180). – С. 337–339.
2. Шагако Д. С. Агрессия и насилие в контексте социальных взаимодействий // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2017. – № 1. – С. 134–141.
3. Дорофеева А. Ю., Родина А. В. Границы описания насилия допустимые в литературе // Актуальные проблемы социально-политической и философской мысли: сборник студенческих работ. – Орёл: Издательство «Картуш», 2022. – С. 42–44.
4. Рыкунов С. В. Жанр ужаса и его влияние на литературу // Молодежь и XXI век – 2016: материалы VI Международной молодежной научной конференции. В 4-х томах. – Курск, 2016. – Том 2. – С. 231–233.
5. Каропа И. Г. Художественное осмысление войны как пограничной ситуации // Веснік Мазырсакага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2009. – № 2. – С. 130–135.
6. Поляков Е. В. Насилие как элемент политической антиутопии // Общество: философия, история, культура. – 2013. – № 2. – С. 36–42.

7. Лашевич Е. П. Жанровые особенности трансгрессивной литературы (на материале произведений Ч. Паланика) // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. – Нефтекамск, 2022. – С. 54–60.
8. Григорьева В. С., Зайцева В. В. Концептуальная структура дискурсивной практики «насилие» и вербальные средства ее репрезентации // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 2 (50). – С. 181–184.
9. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
10. Ищенко Е. С., Жданова Е. С. Лингвистические средства выражения процесса невербальных агрессивных действий // Новое слово в науке: перспективы развития. – 2014. – № 2 (2). – С. 217–220.
11. Еленская К. В. Лингвистический паспорт лексемы «насилие» // Преподаватель XXI век. – 2020. – № 4 (2). – С. 386–392.
12. Засыпкин С. Инвектива // Дискурс-Пи. – 2010. – № 1-2 (9-10). – С. 352–353.
13. Мoya S. A Clockwork Orange: The Intersection Between a Dystopia and Human Nature [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digitalrepository.unm.edu/best_student_essays/1/?utm_source=digitalrepository (дата обращения: 20.05.2024).
14. Николич М. Жанровое своеобразие романа Э. Берджесса «Заводной апельсин» // COLLEGIUM LINGUISTICUM-2021. Сборник научных статей ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ. – 2021. – С. 458–465.
15. Панкрашова А. В. Эволюция жанра антиутопии в творчестве Э. Бёрджесса: выпускная квалификационная работа; Российский государственный гидрометеорологический университет. – СПб., 2018. – 67 с.
16. Мазепа Е. М. Проблематика романа Э. Берджесса «Заводной апельсин» [Электронный ресурс] // Сборник трудов III Научной конференции профессорско-преподавательского состава аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского». – Симферополь, 2017. – С. 196–199. – Режим доступа: https://science.cfuv.ru/wp-content/uploads/2018/02/2018_cover.pdf (дата обращения: 10.09.2024).
17. Burgess A. A Clockwork Orange. – СПб.: Антология, 2023. – 256 с.